

Бог, цари и герои

Автор: В. И. НОВИКОВ

(Мифы о правителях народа)

Вопрос о роли личности в истории однозначного ответа не имеет. Вообще, вряд ли когда-нибудь он будет исчерпывающе разрешен. Бесспорно другое: в кризисные эпохи значение выдающегося исторического деятеля многократно возрастает. При благоприятных условиях именно он определяет "ход истории", соответствующему периоду присваивается его имя, но только, разумеется, при условии, что он - действительно крупная фигура.

Часто уже при жизни такие личности превращаются в своего рода миф, их "труды и дни" обрастают легендами. Будучи поначалу просто фольклором, со временем эти предания проникают и в летописи, и в труды позднейших историков; ложатся и в основу героического эпоса. Их изучение - благое дело. Они помогают понять, что думали и как воспринимали происходящее люди того времени. Некогда М. Блок писал, что предмет подлинного историка в первую очередь - человек прошлого, которого он пытается разглядеть за сухими строками старинных хроник и документов. Такого исследователя Блок уподобляет сказочному людоеду, ибо "где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча" [Блок, 1986, с. 18]. А ведь ничего более человеческого, чем такие естественно рождающиеся байки (пусть и утратившие большую долю своей простодушной художественности при записи), кажется, и придумать невозможно.

Владимир

Русское государство пережило несколько кризисных эпох, относящихся к разным периодам российской истории. Не все они родили своих "былинных героев". Но по крайней мере три личности оказались мифологизированными народным сознанием.

Первой такой эпохой было княжение Владимира, крестившего Русь. Принятие христианства - не просто насильственное навязывание языческому славянскому населению иной веры. Христианству надлежало стать новой государственной идеологией, покончившей с многобожием, разъединявшим различные родственные племена. Княжеская власть должна была преодолеть эти разделения, а затем и окончательно похоронить их. Иначе вообще нельзя было бы говорить о Киевской Руси как о государственном образовании.

С первого взгляда, Владимир - ни в коей мере не тот человек, которому эта задача оказалась бы по плечу. Он не отличался христианскими добродетелями (и это еще мягко сказано). "Повесть временных лет" сообщает, что Владимир с ранних лет "побежден вожделением"; "и был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и рас-

Новиков Владимир Иванович - кандидат филологических наук, историк культуры.

тля девиц" [Памятники... 1978, с. 95]. По распутству летописец сравнивает его с библейским царем Соломоном, имевшим семьсот жен и триста наложниц; правда, он сразу же подчеркивает различие, ибо Соломон мудр, а Владимир - невежда. Полоцкая княжна Рогнеда стала одной из первых жертв его необузданности. Стремясь удовлетворить вожделие, Владимир не остановился перед полным разорением Полоцка. Он овладел Рогнедой на глазах ее престарелых родителей, которых затем приказал убить. Таков один из самых постыдных эпизодов русской истории, но, как ни удивительно, совсем не повлиявший на репутацию Владимира среди последующих поколений.

Первоначально Владимир попытался разрешить задачу государственного строительства, не отказываясь от язычества, явно более близкого его дикарской природе. Овладев Киевом, он установил вблизи своего теремного дворца на холме шесть идолов, создав как бы языческий храмовый пантеон. Главным был идол Перуна - бога войны, карателя и молниеносца. Владимир возвысил его над другими богами, придав Перуну своего рода великокняжеский статус. "Повесть временных лет" сообщает: "И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносил им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот" [Памятники... 1978, с. 95].

Но очень скоро выяснилось, что язычество не могло быть основой государственной идеологии. Возвышение Перуна, по сути, было попыткой введения единобожия. Но в язычестве все боги равноправны и не составляют какой-либо иерархии, необходимой феодальному государству. Волей-неволей Владимиру пришлось "наступить на горло собственной песне".

Крещение Руси было "великой реформой", результатом которой стало образование единого государства, получившего название Киевской Руси. Русский народ впервые ощутил себя цельным организмом. Очень скоро все слои населения почувствовали, какое великое благо жить под защитой этого сильного государства, делая - каждый на своем месте - общее дело. Память о Киевской Руси питала народные чаяния в последующий период разброда и княжеской междоусобицы, когда "брат шел на брата". Нет ничего удивительного, что очень скоро в народном сознании Владимир оказался на одном уровне с Константином Великим, олицетворявшим торжество христианства и казавшимся из исторического далека идеальным монархом.

Мифологизация личности Владимира началась уже при его жизни. Неоднократно отмечалось, что если в "Повести временных лет" первый период деятельности Владимира (примерно до 996 - 997 гг.) описывается чрезвычайно подробно и ярко, то сведения о последнем (до его смерти в 1015 г.), наоборот, крайне скудны. Это объясняется тем, что именно тогда было составлено каноническое жизнеописание Владимира, впоследствии включенное в корпус знаменитого летописного свода. Многочисленные красочные эпизоды этого жизнеописания явно заимствованы из фольклора; кажется, что здесь это просто легенды, которыми уже начала обрастать личность "Крестителя Руси". Предания настолько поглотили историческую правду, что кое-кто из историков полагает: достоверных сведений о жизни Владимира вообще не имеется. Не вызывает сомнения только подлинность его имени и годы правления (см. [Пархоменко, 1941]).

Однако можно возразить, что в "Повести временных лет" он предстает человеком "из плоти и крови". Летописец ничего не забывает, но находит оправдание некоторым нехристианским деяниям Владимира: "Если и обращался он прежде к скверной страсти, однако после усердствовал в покаянии по слову апостола: "Где умножится грех, там преизобилует благодать"". Свои раздумья о Владимире летописец подытоживает в следующих словах: "Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле" [Памятники... 1978, с. 147]. Но начинал Владимир, совершая в борьбе за обладание великокняжеским престолом одно злодейство за другим. После насилия над Рогнедой он предательски убивает своего брата Ярополка, сидевшего в Киеве.

Самый знаменитый эпизод "Повести временных лет" - рассказ о полемике Владимира с посланцами различных религий, стремящимися склонить князя к принятию своей веры. Замечательны меткие возражения князя, в которых, может быть, впервые проявляется его острый государственный ум. Все повествование настолько художественно совершенно, что с очевидностью представляет собой плод длительной и упорной обработки передававшегося от поколения к поколению устного предания (см. [Памятники... 1978]).

Решающим аргументом в пользу принятия "греческой веры" стала красота церковной службы Византии. Владимир оставляет последнее слово за своей дружиной, которая единогласно высказывается за крещение по православному обряду. Но он не желает оказаться в положении вассала Константинополя и условием крещения ставит женитьбу на сестре византийских императоров Константина и Василия Анне. Очевидно, что он связывал с Крещением Руси далекоидущие политические планы и стремился поставить Киев вровень с "градом Константина". Этим был вызван его поход на Корсунь, также обросший легендами. "Повесть временных лет" сообщает, что перед прибытием Анны в Корсунь Владимир почти ослеп. Анна велела ему передать, что необходимо срочно креститься, иначе недуг не отступит. Владимир последовал ее совету. Сразу же после крещения он прозрел и воскликнул: "Теперь узнал я истинного Бога".

Поразительно перерождение жестокого и мстительного Владимира после того, как он проникся духом христианской любви. Летописец не знает меры, восхваляя его щедрость и благочестие: "Повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньгами. Устроил он и такое: сказав, что "немошные и больные не могут добраться до двора моего", приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: "Где больной, нищий или кто не может ходить?" И раздавали тем все необходимое" [Памятники... 1978, с. 141].

Одно место в "Повести временных лет" обращает на себя особое внимание: "Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых" [Памятники... 1978, с. 133]. Историки русской церкви (Е. Голубинский, А. Карташев), опираясь на это летописное свидетельство, проводят линию преемственности от Владимира к Петру I. Они оба насаждали просвещение, отнюдь не считаясь с традициями старины.

Подлинным апофеозом Владимиру является знаменитое "Слово о законе и благодати" митрополита Иллариона, написанное в период 1037 - 1050 гг.: "Сей славный, будучи рожден от славных, благородный - от благородных - князь наш Владимир и возрос и укрепился, оставив младенчество, совершаясь в крепости и силе и в мужестве и мудрости преуспевая, и самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни - миром, а непокорные - мечом. И когда во дни свои так он жил и справедливо, твердо и мудро пас землю свою, посетил его посещение Своим Всевышним, призрело на него всемилостивое око прелюбного Бога. И воссиял в сердце его свет ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое" [Памятники... 1994, с. 609]. Не стоит забывать, что эти слова принадлежат младшему современнику Владимира. Люди того времени по достоинству оценили государственный подвиг Крестителя Руси.

Многолюдные пиры князя Владимира надолго сохранились в народной памяти. По-видимому, они отличались широким разгулом, что вполне соответствовало не признающей никакой узды натуре их устроителя. Первоначально "почестен пир" был ритуальным поеданием принесенного в жертву животного. Но с принятием христианства он лишился своего языческого смысла. При Владимире пир постепенно преобразуется в княжеский совет, на котором решаются вопросы государственной важности; такой пир - прообраз будущей боярской думы. На пиру князь Владимир окружен дружиной, состоящей из былинных богатырей. Можно сказать, что он становится нашим отечественным

королем Артуром. Пирующий Владимир не перестает оставаться "устроителем Руси". Именно в этой ипостаси он вошел в русский героический эпос.

В период княжеской междоусобицы и монголо-татарского ига (когда создавался русский героический эпос) время князя Владимира представлялось эпохой мира, покоя и процветания мощного государства, которому не были страшны никакие внешние враги. Понятно, что это было далеко от исторической реальности, но отвечало народным чаяниям. В. Пропп писал: "Эпос живуч не воспоминаниями прошлого, а тем, что он отражает идеалы, которые живут в будущем. Он отражает не *события* той или иной эпохи, а ее *стремления*. Народ, возвеличивая киевскую эпоху, стремился не к реставрации Киевской Руси, а смотрел вперед, стремился к единству, которое Киевская Русь начала осуществлять, но не довела до конца" [Пропп, 2006, с. 64]. Илья Муромец отправляется из своего родного села Карачарова не просто на поиски приключений. Он едет в "стольный Киев-град"

Помолиться чудотворцам киевским,
Заложиться за князя Владимира,
Послужить ему верой-правдою,
Постоять за веру христьянскую [Песни... 1860, с. 34].

В былинах богатырского цикла князь Владимир предстает мудрым правителем Руси. Сам ничего героического не совершает, но его нравственный авторитет всегда незыблем. Именно поэтому к нему подходит лишь солярная символика; он - Владимир Красное Солнышко.

Впрочем, былинный князь Владимир постепенно лишается своего ореола. Со временем на первый план вышли такие черты его характера, как коварство, мстительность, склонность к интригам. Он ссорится с Ильей Муромцем и на долгие годы отправляет его в темницу. В этой коллизии князь Владимир предстает типичным "боярским царем": быстро теряется перед лицом внешней опасности, становится трусливым и робким; но вновь обретает самонадеянность, когда тучи рассеиваются. Подчас кажется, что реальным историческим прототипом такого князя Владимира был Василий Шуйский. Подобная метаморфоза свидетельствует об оскудении старых государственных идеалов. Но одновременно к своей последней черте подошел и русский героический эпос. Былинного князя Владимира уже нельзя было представить воплощением мечты о народном единстве, так же как Илью Муромца с пищалью, а не с мечом и булавой.

В распоряжении исследователей нет непосредственного фольклорного материала, говорящего о восприятии народом деятельности Владимира. Свидетельства "Повести временных лет" - уже плод своего рода цензуры, отвергающей все, что не укладывается в программу летописца и не соответствует его целям. Это уже литература. Также и в былинах предстает вовсе не реальный, а мифологизированный Владимир. По былинам можно судить о том, как думал народ в эпоху их создания и на что надеялся, но нельзя понять, какую сумятицу в головах породило принятие "греческой веры". А то, что процесс христианизации проходил мучительно и встречал сопротивление, подтверждается многочисленными, инспирированными волхвами волнениями, периодически вспыхивавшими на всем пространстве Киевской Руси.

Петр Первый

В этом плане историк, занимающийся эпохой Петра I, оказывается куда в более выигрышном положении. Фиксаций "мнений народных" о намерениях, трудах и достижениях царя-преобразователя, которого смело можно поставить рядом с князем Владимиром, множество. Здесь не только исторические песни, легенды, анекдоты, но и такой ценнейший источник, как "допросные дела".

Архивы Тайной канцелярии свидетельствуют, что на первых порах петровские преобразования не были приняты широкими массами народа. Упорно ходили слухи, что тронем овладел антихрист. Якобы во время путешествия Петра I по Европе "немцы" похитили его и подменили похожим на царя "еретиком" из собственной среды; поэтому-

то он бреет бороду, носит иноземное платье, пьянствует, курит табак и даже в жены взял пленную шведку.

Не менее распространена была версия, что царя подменили уже в колыбели. Один из пытаемых раскольников бросил в лицо палачам: "Государь де не царь и не царского поколения, а немецкого... Когда были у государыни царевны Наталии Кирилловны сряду дочери, и тогда государь, царь Алексей Михайлович, на нее, государыню царицу, разгневался: "Буде де ты сына не родишь, тогда я де тебя постригу. А тогда де она, государыня царица, была чревата. И когда де приспел час ей родить дочь, и тогда она, государыня, убоясь его, государя, взяла на обмен из немецкой слободы младенца, мужеска пола, из Лефортова двора..." [Голикова, 1957, с. 149]. Народ был уверен, что, будь на троне действительно русский царь, не стал бы он свою землю "пустошить и разорять".

Бурная молодость Петра и его шумные кутежи в Немецкой слободе не одобрялись москвичами. Народная молва приписывала юному царю даже участие в ночных разбоях. Его дружба с низами общества вовсе не воспринималась как свидетельство демократизма; наоборот, она только подтверждала сложившееся мнение, что подобный царь способен на любые злодеяния. В 1730 г. в Симбирске колодник рассказывал своим товарищам следующую "сказку": "В Москве был вор Барма, и наш император..., нарядясь в мужицкое платье, и ночью из дворца ходил того Барму искать. И как де он, государь, того Барму нашел, то де тогда спросил того Барму, что де он за человек, и тот Барма государю сказал, что он вор Барма; и государь стал того Барму звать красть из государевых палат денежную казну, и тот де Барма государя ударил в рожу и сказал скверно, для чего ты государеву казну подзываешь красть, лучше де пойдем боярина покрадем, и государь де с тем Бармою ходил и боярина покрали, и государь покраденные пожитки все отдал Барме и дал тому Барме с себя колпак и велел ему на другой день с тем колпаком придти в Собор, и как де Барма в Собор пришел, то де государь его, Барму, узнал и стал его, Барму, за то, что он не захотел государевой казны воровать, при себе держать в милости" [Петр Великий... 2000, с. 133 - 134]. В других вариантах этой сказки Петр I говорит Барме, что он такой же вор; они далее братаются, обмениваются крестами и также вместе идут на ночной промысел.

В народной памяти одной из самых популярных фигур петровского времени стал шут Балакирев. Трудно сказать, почему именно ему фольклор приписал роль правдолюбца при суровом царе. По-видимому, реальный и фольклорный Балакирев имели между собой мало общего. Балакирев был дворянский сын, служил в Преображенском полку и оттуда попал ко двору. Он входил в штат Екатерины I, оказался замешанным в деле Виллима Монса, бит батогами и сослан. Однако вскоре после смерти Петра I ставшая самодержавной императрицей Екатерина I вернула Балакирева из ссылки и пожаловала его чином прапорщика. Он оставался шутом и при Анне Иоанновне. Как бы то ни было, но Балакирева народ обязал резать в глаза Петру I "правду-матку". Он смело пользовался прерогативой "царского дурака", на которого "нет взыску". Впрочем, Петр I не обходил его своей дубиной. Так было и тогда, когда на вопрос царя, что народ думает о новой столице, Балакирев отважно ответил: "Народ говорит: с одной стороны море, с другой - горе, с третьей мох, а с четвертой - ох!" [Петр Великий... 2000, с. 129]. Однако доставалось от Балакирева не столько Петру I, сколько придворным, особенно Меншикову. Балакирев даже завещал положить с ним в гроб знаменитую петровскую дубину; она послужила бы ему обороной, поскольку разгневанный "Данилыч" обещал расправиться даже с его костями.

Только к концу XVIII в. постепенно начало меняться содержание фольклора по отношению к Петру I. Он начинает выглядеть привычным для нас царем-мастеровым, царем-корабельщиком, царем-солдатом. Не гнушающийся ни молотом, ни лопатой Петр показывает своим подданным пример в труде, начиная первым копать ров при закладке Петропавловской крепости или проводя целые дни в кузнице. Все это отмечается в фольклоре с нескрываемым одобрением. Если раньше решительный разрыв со стариной встречал в народной среде резко негативное отношение, то теперь, когда петровские реформы принесли свои плоды, "мнения народные" сменились на противополож-

ные. Петр I уже не антихрист, не тиран, не разбойник на троне, а народный царь - доступный и справедливый.

Известный этнограф В. Майнов записал следующее предание, бытовавшее в среде северных крестьян, прадеды которых непосредственно испытали на себе тяжелую руку царя-преобразователя: "Гнали тогда народ изо всех мест, так что на тропях в лесу люднее стало, неже по селам и деревням. Осударь, бывало, выйдет к погосту из лесу да и кликнет клич народу: "Помогите, православные, отбиться от супостата, отогнать неверного!"

Ино волею народ шел, ино силою брали приказные, что следом за царем ехали и подбирали тех, кто слова царского не послушался. А царю то и невдомек, что приказные насильничают да охальничают. Только пришел он к Соловкам, где в ту пору крепость ставили, привез охочий народ с собою да и стал, благословясь, рвы копать и землю сыпать; долго ли, коротко ли, видит еще шхун десять с народом валит.

- Вы зачем? - спрашивает.

- Пригнали - сказывают - крепость строить.

Рассерчал государь свирепостью и всех приказных расказнил.

- Мне-де вольный народ надобен, а не сбитый! Вы что ли землю пахать будете за них да подати платить? Как смели мою волю менять! Я их на месте на семена оставил, а вы куриным своим умом по-иному раздумали.

Так и угнал народ восвоеси, да еще все имена от приказных отобрал и народу отдал: "Было бы-де вам, чем мне подмогу сделать, когда потребуется"" [Майнов, 1883, с. 93 - 94].

Находят одобрение народа даже такие меры, как снятие колоколов в церквях и перелив их на пушки. В самом деле, справедливы царские слова, что "колокольный звон и в соседнем селе не слышен, а пушки разнесли славу России по всему свету" [Петр Великий... 2000, с. 185].

В народных преданиях Петр I не спит ночами, потому что ему надлежит думать о каждой "неразумной голове". Иначе в России воцарится неправда, сильный будет давить слабого, наступит голод. Выходец из народа С. Есенин писал, что смерть Петра I была всенародно оплакана. И еще:

Но с того вот дня
Да на двести лет
Дуракам-царям
Прямо счету нет [Есенин, 1967, с. 243].

Никто другой из российских монархов не стал героем "устной словесности". Но нельзя забывать, что фольклорный царь - отнюдь не исторический Петр I. Трансформация его облика в народных преданиях и легендах гораздо более говорит о том, какой в представлении народа должна быть идеальная власть, чем о реальном правителе России. Следует подчеркнуть, что фольклорный Петр одновременно и справедлив, и жесток, трудолюбив, бескорыстен, но и беспощаден к тем, кто не отличается подобными качествами. Отсюда напрашивается вывод: справедливость - отнюдь не всегда доброта, а власти обязательно должна быть присуща суровость.

Петр I не стал былинным героем, видимо, прежде всего потому, что время масштабных эпических песен уже навсегда ушло в прошлое. Никем не записывавшиеся, предназначенные для пения под гусли, они передавались от одного поколения к другому в устной традиции. Исполнение некоторых пространных былин длилось два-три часа; понятно, что это требовало громадного напряжения памяти. Кроме того, к упадку эпоса неизбежно приводит распространение книги. Еще в 1873 г. фольклорист А. Гельфердинг писал в предисловии к сборнику собранных им на берегах Онежского озера былин: "Эпическая поэзия должна исчезать с развитием грамотности и промышленного духа в народе: эпическим песням нужна свободная память, они могут вместиться только в голову, не загроможденную книжным учением, не занятую расчетами житейской борьбы" [Онежские... 1873, с. 31].

Действительно, первооткрыватели устной эпической традиции на Русском Севере П. Рыбников и Гильфердинг в 1860-е гг. нашли ее еще в полном расцвете. Неутомимые ученые-энтузиасты, записывая замечательных сказителей, чье исполнение нередко достигало подлинного художественного совершенства, сразу же обратили внимание на то, что былины почти никогда не повторялись слово в слово. Следовательно, импровизационный момент был крайне силен, что и понятно: длинные эпические песни просто невозможно воспроизводить одинаково по памяти. Волей-неволей сказители выступали в роли соавторов создателей старинного первоисточника. Сами творческие личности, они и "пели" былинку так, как диктовала им собственная артистическая индивидуальность.

Сталин

В начале XX в. и в первые послереволюционные годы фольклор в его многочисленных проявлениях представлялся всего лишь осколками прошлых времен. Новой индустриальной эпохе он казался ненужным. Деревенский комсомолец мечтал перебраться в город, овладеть современной техникой и править железным конем-автомобилем. Конечно, его невозможно было затащить в избу послушать "бабушкину сказку" и исполняемую дедушкой "с голоса" древнюю былинку. Тем удивительнее оказался расцвет в 1930-е гг. так называемого "сталинского псевдофольклора". Правда, такое определение дали этому своеобразному явлению ученые-фольклористы более позднего времени, оказавшиеся в своего рода тупике и не знавшие, что делать со столь странным цветком, выросшим на, казалось бы, совершенно бесплодной почве. Но всему есть свои причины. "Сталинский псевдофольклор" (или, точнее сказать, просто "сталинский фольклор") стал ответом на запросы времени в духе все еще живой традиции.

Древние эпические песни в народной среде назывались не былинами, а "старинами". Термин "былина" - книжный, он введен в широкий оборот выдающимся фольклористом И. Сахаровым в 1840-е гг. В противовес "старинам" в сталинскую эпоху стали появляться так называемые "новины" - крупные произведения в форме былин со всеми их художественными особенностями и старинной лексикой, но на современные темы. Первоначально появление "новин" в середине 1930-х гг. встречали с энтузиазмом, что определялось политической конъюнктурой и "культом личности" Сталина. По этим же причинам после развенчания "вождя народов" их поспешили объявить "мертворожденными подделками" и "образцами уродливой стилизации". Оснований для такой торопливой переоценки было более чем достаточно. Но нельзя забывать, что "новины" создавались в той же среде, где бытовали былины; их распевали сказители "старин". Невольно возникает мысль, что эти хранители народных традиций, далекие от столичных интересов и отнюдь не стремившиеся откликаться на злобу дня, попытались, как могли, выразить свое отношение к переменам в стране, сопоставимым с петровскими преобразованиями. Уже одного этого достаточно, чтобы внимательнее вчитаться в "новины".

Впрочем, "новины" уже нельзя полностью причислить к фольклору. Их авторы известны. Они развили импровизационный момент сказа при пении "старин". Именно подобные особенности исполнения позволили перейти грань между изложением "своими словами" старого сюжета и рассказом о героях современности в форме древней былины. Самой выдающейся из создателей "новин" была крестьянка деревни Золотица на берегу Белого моря М. Крюкова (1876 - 1954), состоявшая даже в Союзе советских писателей. Она была грамотна и в достаточной степени начитана. Из 197 записанных от Крюковой текстов 78 представляют собой ее собственные произведения (причем 5 из них - переложения былинным стихом анекдотов о Петре I; есть и перепевы повестей Н. Карамзина и баллад В. Жуковского). Герои ее "новин" - Ленин, Сталин, Ворошилов, Чапаев, челюскинцы.

Основной мотив "новин" - прославление советской действительности. Прежде всего акцент делается на трудах и заслугах вождей:

Что у Ленина намечено,
То у Сталина исполнено [Русские... 1949, с. 250].

В этой "новине" Сталин прямо отождествляется с былинным князем Владимиром. Фольклористов последующего поколения поражало отсутствие в фольклоре откликов на негативные и подчас мрачные страницы советской истории. Они объясняли это тем, что такие произведения представлялись идеологически враждебными и попросту игнорировались. Например, В. Гусев писал по этому поводу: "Архивные материалы и личные наблюдения собирателей фольклора позволяют высказать предположение, что в те годы было создано немало произведений, выражавших здоровое, критическое отношение масс к недостаткам колхозного строительства, к нарушениям социалистической законности и отступлениям от ленинских норм советской демократии" [Гусев, 1966, с. 132]. Подобные рассуждения представляются, однако, наивными. Ведь если бы в самом деле имелись ярко выраженные антисоветские фольклорные материалы, они обязательно были бы зафиксированы - если не учеными, то органами НКВД. Между тем, к примеру, в знаменитом Смоленском архиве обнаружены лишь отдельные частушки и анекдоты, которые (да и то с натяжкой) можно причислить к проявлениям подобного рода протеста.

В широко известной в свое время "новине" Крюковой "Сказание про полюс" Сталин, отправляя на подвиги своих богатырей - полярных исследователей во главе с Поколен-Бородой (О. Шмидтом), вновь уподобляется князю Владимиру:

Призывал-то к себе великий вождь Сталин на заседаньице,
На заседаньице да на рассужденице
Славного ледового героя Поколен-Бороду,
Призывал людей премудрых да все ученых,
Созывал ясных соколов, геройских перелетчиков,
Говорил-то он таковую речь:
"Уж вы ой еси, добры молодцы, герои-перелетчики,
Вы слетайте в ту страну, в самую дальнюю,
В самую дальнюю да во холодную,
Во холодную, да во северную,
Куда ясны соколы никогда не летывали,
Добры молодцы никогда не проезживали,
Где люди добрые не проживали же;
Та страна для нас очень важная,
Как оттуда подымается вся погодушка
На всю нашу на родну землюшку!
Приузнайте там, проразведайте,
Отчего зачались зори утренние,
Отчего-то дуют ветры буйные, -
Не ото льдов ли морозных въздыханьица?" [Новины, 1939, с. 103].

В посвященных Сталину "новинах" проводится мысль, что он - воплощение многовековой мечты масс о мудром и всезнающем правителе. Другими словами, он - народный царь. Следовательно, как и в былинах, в "сталинском фольклоре" нельзя искать отражения подлинных событий эпохи; здесь вновь всего лишь ее ожидания и надежды. С кремлевских стен Сталин пристально наблюдает за тем, как преобразуется Россия; он все видит и все слышит. Но, собственно говоря, этим дело и ограничивается. Образ Сталина схематичен; кажется, никакие подлинно человеческие черты ему не присущи. Он не говорит, а изрекает. Отдавая приказание, он не бросается, подобно Петру Великому, первым исполнять его, подавая соратникам трудовой пример. Фактически Сталина видели только москвичи на Первомайских и Октябрьских демонстрациях. Образ вождя представлялся народу исключительно по газетам. Такое положение сковывало творческие возможности сказителей. Вообще, за немногими исключениями, "новины" ясно продемонстрировали: старинная традиция окончательно оскудела и былинными словами уже нельзя говорить о современных событиях. Такой язык невозможно было услышать в рядовой колхозной деревне. Недаром после войны "новины" никто не создавал.

Но все-таки попросту игнорировать "новины" не следует. Они вовсе не псевдофольклорный курьез, а своеобразная и яркая область спектра сталинской культуры. Сводить

их лишь к ответу на политический заказ невозможно. "Новины" - плод неизжитых архаических черт народного сознания - и об этом забывать нельзя. Противопоставить им можно разве что "блатные" и тюремные песни - и на основе подобного соотнесения попытаться представить сумбурную картину массового "смятения духа" той эпохи.

Сталина восхваляли не только создатели "новин". Неграмотные акыны и ашуги (казах Джамбул, дагестанец Сулейман Стальский) также внесли свой вклад в фольклорную сталиниану; причем этот вклад оказался куда более весомым. Их песнопения перелагались профессиональными поэтами, переводы включались в школьные хрестоматии, благодаря чему и были широко распространены. Здесь уже напрямую можно говорить о социальном заказе, поскольку такие переводы щедро оплачивались - и ностальгия некоторых литераторов по тем "благодатным" временам дает о себе знать и сегодня.

* * *

Стало уже общим местом определять современную эпоху если и не как революционную, то по крайней мере как время кардинальных исторических перемен. Но будет ли ей присвоено имя кого-нибудь из нынешних политиков? Смешно даже предположить, чтобы кто-то по-былинному заговорил о "буднях перестройки". За Б. Ельциным не закрепилось данное лихим журналистом прозвище "царя Бориса". Скорее всего потому, что современность не тянет на эпоху "царей и героев". Народ сегодня по-иному воспринимает людей, стоящих у власти, не доверяясь им слепо и не мифологизируя их. Впрочем, пока преждевременно говорить, на что будут опираться историки будущего, описывая наше время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.

Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.

Гусев В. Е. Специфика фольклора советской эпохи // Русское народное творчество. М., 1966.

Есенин С. А. Собр. соч. В 5 т. Т. 3. М., 1967.

Майнов В. Н. Петр на Олонце // Дело. 1883. N 6.

Новины. М., 1939.

Онежские былины, записанные Гильфердингом. Т. 1. СПб., 1873.

Памятники литературы Древней Руси. XI - начало XII века. М., 1978.

Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга третья. М., 1994.

Пархоменко В. А. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство // Ученые записки Ленинградского университета. Сер. ист. наук. Вып. 8. Л., 1941.

Песни, собранные П. В. Кириевским. Вып. I. М., 1860.

Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях. СПб., 2000.

Пропт В. Я. Русский героический эпос. М., 2006.

Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1949.